

Сентября 24 (7 октября)

Преподобномученик
Виталий (Кокорев),
монах Ниловой пустыни

Преподобномученик Виталий родился 10 августа 1890 года в деревне Дьяково Федосеевской волости Старицкого уезда Тверской губернии в семье крестьянина Ивана Кокорева¹. Среди крестьян в то время еще сохранялось высокое представление о служении Богу; среди возвышеннейших форм этого служения считалось монашество. И поэтому сын крестьянина, окончив сельскую школу, направил свой путь в Валаамский монастырь, известный в то время своими схимниками и старцами. Здесь юноша прожил полгода, а затем, устоявшись в своей решимости избрать монашеский путь, вернулся на родину и поступил в 1912 году в число послушников Ниловой пустыни. Через некоторое время он был принят в число братии и пострижен в монашество с именем Виталий.

В Ниловой пустыни монах Виталий подвизался до ее закрытия в 1928 году. Монахи, несмотря на закрытие монастырей и их разрушение, и вне их стен старались вести молитвенный образ жизни и жить по монастырскому уставу. Для этой цели они организовывали монашеские общины. В одной из таких общин, которая называлась "Божье дело", и продолжал подвизаться монах Виталий. Но власти не собирались оставлять и тени христианства на русской земле, и через год община была закрыта, а монахи арестованы по обвинению в неуплате налогов. Монах Виталий был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере и сослан в город Николаевск-на-Амуре на Дальний Восток.

В Тверскую область и родные места он вернулся только в 1935 году. Один из знавших его священников посоветовал ему устроиться на свободное место сторожа в храм села Хвошня Пеновского района и заодно нести в храме при богослужениях послушание пономаря. Он так и сделал: устроился на работу в храм сторожем, а жил в деревне Пустошка, снимая комнату у крестьян.

В январе 1937 года начальник Пеновского районного отделения НКВД стал вызывать на допросы жителей района, членов сельсовета, бригадира колхоза и колхозников, выбирая тех, кто был враждебно настроен к Церкви и желал скорейшего закрытия храма.

Они показали, что дьячок хвошнянской церкви монах Виталий ходит по домам крестьян-единоличников и в самый день Всесоюзной переписи, 1 января 1937 года, он посещал некоторых крестьян; что верующие, и в частности монах Виталий, собирались вместе и читали вслух Евангелие, а также пели церковные песнопения, что происходило это в рабочее время, и представитель местных властей потребовал от них, чтобы они разошлись.

"Свидетели" – бригадир колхоза и председатель сельсовета – перечислили всех крестьян-единоличников, ходивших в храм, предполагая, что НКВД их арестует, а храм закроет, и таким образом религиозный вопрос в селе будет решен.

В самый день праздника Рождества Христова, 7 января, начальник Пеновского отделения НКВД допросил монаха Виталия.

– Следствие располагает данными о том, что вы проводили нелегальные сборища верующих в деревне Пустошка Слаутинского сельсовета, где обрабатывали в антисоветском направлении верующих, особенно из единоличников.

– Нелегальных сборищ верующих я не организовывал, в деревне Пустошка я очень часто посещал верующих... в октябре 1936 года я один молился по молитвеннику... было это часов в десять вечера, и, как видно, многие узнали об этом молении...²

Сведений этих было недостаточно для ареста – указа об аресте всех церковно-священнослужителей тогда еще не было, и монах Виталий после допроса был освобожден. Только в конце июля и начале августа последовали указы об уничтожении Русской Православной Церкви, и тогда уже 4 августа монах Виталий был арестован и заключен в Осташковскую тюрьму и 6 августа допрошен.

– Скажите, признаете ли вы себя виновным в антисоветской деятельности?

– Нет, виновным себя не признаю.

– Следствием установлено, что вы группировали вокруг себя единоличников, среди которых вели антисоветскую агитацию. Скажите, признаете ли себя в этом виновным?

– Я посещал квартиры единоличников... и сам живу у единоличницы... Посещая квартиры единоличников, я никогда не вел с ними антисоветских разговоров, так что виновным себя в антисоветской агитации не признаю.

– Скажите, какую цель вы преследовали, посещая единоличников?

– Посещая единоличников, я никакой корыстной цели не преследовал.

– Посещая единоличников, какие разговоры или беседы вы с ними вели?

– Сейчас припомнить этих разговоров не могу³.

Снова НКВД допросил "дежурных свидетелей". В частности, был вызван такой противник церкви в селе, как председатель колхоза "Путь Ленина". Он рассказал, что церковники просили его продать старый сарай для починки крыльца в церкви, но он отказал им. Также он показал, что заходил в церковную сторожку, где в это время были единоличники. Он потребовал от них, чтобы они разошлись. Но и в следующий раз, когда по доносу одного из колхозников он зашел в церковную сторожку, он застал крестьян читающими Священное Писание и сказал:

– Как вам не стыдно собираться в рабочее время!

Один из присутствующих ответил:

– А вам какое дело, что мы здесь собрались, вы работаете в колхозе, а мы работаем на стороне и покупаем хлеб в кооперации.

Он стал настаивать, чтобы все разошлись.

– По-моему, – заключил председатель свои показания, – у них организована антисоветская группировка...⁴

После этого снова был допрошен монах Виталий.

– Чем вызван ваш уход из Ниловой пустыни? –

– Я ушел из Ниловой пустыни потому, что монастырь со всеми монахами разогнали и вместо монастыря организовали детскую колонию.

– Как вы устроились дьячком и одновременно церковным сторожем хвошнянской церкви, кто вас туда рекомендовал?

– По прибытии из ссылки мне кто-то из служителей церковных сказал, что в хвошнянской церкви требуется сторож, и я пошел и был принят на работу.

– Сколько раз вы присутствовали на заседании церковной двадцатки в течение 1936 и 1937 годов и какие там вопросы обсуждались?

– Я был на заседании церковной двадцатки один раз, когда меня нанимали. От других собраний я отходил и, когда был еще, не помню.

– Проживая у гражданки Марии Вишняковой, куда часто собирались единоличники и верующие колхозники, что вы им рассказывали и внушали?

– Собирались или нет у Марии Вишняковой верующие, я не знаю, сам же я избегал собраний. С отдельными лицами встречался.

– Какие у вас, церковников, были разговоры о конституции, займе и о положении в колхозах?

– О конституции я слышал, что люди довольны конституцией. О займе я разговаривал лишь с уполномоченным при подписке на заем. О колхозах велся разговор, что нынче хороший урожай и колхозники этим довольны⁵.

Чтобы склонить обвиняемого к самооговору, следователь устроил очную ставку монаха Виталия с председателем колхоза, который сказал, что в марте 1936 года, зайдя в здание церковной сторожки, он застал здесь заседание двадцатки.

– Обвиняемый Кокорев, вы признаете, что в марте 1936 года в сторожке хвошнянской церкви было нелегальное сборище церковников, на котором вы присутствовали и вели антисоветскую пропаганду? – спросил следователь.

– В марте 1936 года никакого нелегального сборища в сторожке церкви не было, на собраниях я не присутствовал и антисоветской агитацией там не занимался.

– Свидетель, скажите, – обратился следователь к председателю колхоза, – в августе 1936 года на нелегальном сборище был Кокорев или нет, что там обсуждали?

– В августе 1936 года я зашел в сторожку и в повышенном тоне сказал: "Зачем собрались в рабочее время?" Александров, бывший кулак, заявил: "А какое вам дело до нас, нечего здесь ходить, вы работаете за трудодни, но ничего не получаете, а мы, где хотим, там и работаем, и купим себе хлеба, торговля свободная". Я предложил им разойтись, так как они собрались в рабочее время и отвлекают колхозников; через несколько минут они разошлись.

– Вы, обвиняемый Кокорев, были на сборище в сторожке церкви в августе 1936 года, где Александров выступал с антисоветскими выражениями, споря с вошедшим председателем колхоза?

– В августе 1936 года на нелегальном сборище в сторожке церкви я не был ни разу и не помню, было ли такое собрание, где бы Александров и другие присутствовали и их разогнал председатель колхоза⁶.

Были вызваны и другие свидетели, среди них староста храма, но они обвинений, выставленных следователем, не подтвердили. 9 сентября следствие было закончено, и 3 октября Тройка НКВД приговорила монаха Виталия к расстрелу. Он был расстрелян 7 октября 1937 года⁷.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»

Тверь. 2001. С. 250-253

Примечания

¹ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 22824-С. Л. 3.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 23-24.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 34-35.